

Тан Цзин ничего не ответил, молча прибавил шаг и с лёгкостью оторвался от этой парочки матери и дочери.

Побродив туда-сюда и поглазев по сторонам, Тан Цзин вернулся домой только к ужину.

— Папа!

Цинь Бин схватила Тан Цзина, втащила его в комнату и зашептала:

— Папа, не бойся, води себя послушно, я больше не буду тебя продавать.

— Малышка Бин!

Тан Цзин улыбнулся, глядя на раскрасневшуюся младшую дочь, и ему так и хотелось спросить: почему его любимая дочурка вечно так смущается?

— Цинь Бин!

В комнату вошла Цинь Тянь, оттащила Цинь Бин в сторону и отчитала:

— Такая взрослая, а всё к папе льпнешь. Садись ужинать.

— Ой!

Цинь Бин недовольно надула губки и возразила:

— Какое твоё дело? Ты уже замужем, не лезь ко мне! Сама-то вечно упрямишься, какое ты имеешь право кого-то поучать?

— Ах ты!

Цинь Тянь разозлилась и уже замахнулась, чтобы ударить сестру, но Тан Цзин поспешно их развел. Ничего больше не говоря, он увёл малышку Бин ужинать.

Ужин, приготовленный тёщей, выглядел аппетитно и был невероятно вкусным. Тан Цзин уселся на табурет, вторая дочка накладывала рис, третья подкладывала еду в тарелку — просто блаженство!

Цинь Тянь посмотрела на них, немного подумала и начерпала отцу ложку куриного супа. Заметив, что все на неё уставились, она раздражённо бросила:

— Едите так едите, чего уставились? От одного взгляда на меня сыт не будешь!

— Едим! — Е Дуо улыбнулась. Как хозяйка этого дома, она обладала определённым авторитетом: раз она сказала есть, все принялись за палочки.

Ужин выдался на редкость тёплым и уютным. Все наелись досыта, а после трапезы отправились вместе прогуляться на ночной рынок и вернулись домой только к десяти часам вечера.

Вот это была настоящая жизнь! Уснув, Тан Цзин увидел прекрасный сон, а проснувшись утром в великолепном настроении, впервые за долгое время решил проявить хозяйственность и сам приготовил всем яичницу на завтрак.

В полдень в доме снова незваная гостья — эта невыносимая женщина Цзоу Фэй.

— Какая у вас чудесная квартира!

Цзоу Фэй ходила по комнате туда-сюда, всё трогала и разглядывала, снедаемая дикой завистью.

Ся Руосюэ составила ей компанию и с улыбкой спросила:

— Вы тоже сюда переехали?

— Да, переехали, — Цзоу Фэй кивнула. Переехать-то они переехали, да только ситуация у них совсем другая.

После того как Тан Цзин перебрался в Деревню Сяокай, остальные забили тревогу: тысячи мелких вкладчиков скинулись деньгами, Шао Цзюнь кое-что подзаял, и в итоге их семья тоже смогла прорваться внутрь.

Семья Е Чэня только тем и занималась, что хвасталась перед знакомыми, рассказывая, будто Тан Цзин — несметный богач, у которого припасено несколько миллионов серебряных монет. Из-за этого тех бедолаг начала грызть зависть: они единогласно решили, что раз Тан Цзин смог раздобыть столько денег, значит, он захапал и их долю.

Вот народ и сговорился. Шао Цзюнь пустил в ход свои мелкие хитрости и обманул всех, собрав деньги.

Позже Шао Цзюнь даже попытался занять денег у Тан Цзина и теперь отправил мать Цзоу Фэй прощупать почву.

Осмотревшись немного, Цзоу Фэй села рядом с Тан Цзином и с улыбкой произнесла:

— Раньше старшая тётушка вела себя глупо, а сегодня я пришла вернуть долг. Возвращаю всё до последней монеты, вместе с процентами.

Цзоу Фэй выложила заранее подготовленные серебряные и медленные монеты. На её лице застыло крайнее сожаление и искреннее раскаяние — разыграно было просто безупречно.

Тан Цзин ничего не сказал, лишь бросил на Цзоу Фэй взгляд, поднялся и вышел.

Поняв, что её здесь терпеть не могут, Цзоу Фэй поднялась и откланялась: её цель была достигнута, а оставаться дольше не имело смысла.

Тан Цзин изначально планировал переехать лишь спустя какое-то время, но визит Цзоу Фэй лишь растрепал ему нервы, так что он решил собраться с семьёй и съехать же в тот самый день!

У нынешнего жилища было лишь право пользования, но не право собственности — его нельзя было ни сдать, ни продать. Поэтому он просто забрал семью и направился напрямик в Усадьбу Хунвэй.

Цинь Хунвэй!

Он был хозяином этой огромной усадьбы!

Все дома там стояли отдельно и делились на два типа: большие особняки и маленькие усадьбы.

Большие особняки находились в самом центре, в них проживала прямая ветвь семьи Цинь.

Маленькие усадьбы образовывали защитное кольцо по внешнему периметру, окружая центр.

Помимо жилья, там имелись фабричные общежития, пахотные земли, фруктовые сады и рыбные прудики.

Фабричные общежития располагались внутри большого комплекса, ими управляли члены главной ветви.

Поля же, сады и пруды находились при маленьких усадьбах — каждая семья вела хозяйство самостоятельно, ежегодно сдавая наверх определённую часть урожая.

Тан Цзин не любил хлопот, поэтому выбрал маленькую усадьбу с фруктовым садом, поселил

там всю семью, выложив за неё три миллиона серебряных монет.

На этот раз он не взял с собой семью тестя Е Чэня, оставив им лишь сто тысяч серебряных монет — этого им хватило бы до конца жизни.

Устроившись на новом месте, семейство радостно зажило прежней жизнью, а по вечерам ходило гулять по торговым рядам.

Здесь пролегалo множество улиц: улица с уличной едой, фруктовая улица, улица одежды, улица хого и многое другое.

Цены на товары здесь кусались, расплачивались в основном серебряными монетами, а медь ходила редко.

У Тан Цзина оставалось ещё несколько сотен тысяч серебряных монет, так что прожить какое-то время проблем не составляло. Накупив кучу всякой всячины помимо еды и напитков, они наслаждались жизнью.

Получив статус хозяина усадьбы, Тан Цзин смог навещать и в другие места. Отдохнув месяц, он взял двух своих любимых дочерей и снова отправился в путь.

Конечно же, за травами. Это ремесло подходило ему лучше всего, и всего за месяц он заработал десять миллионов серебряных монет.

Продав ингредиенты, Тан Цзин решил впредь выдавать домашним ежемесячное содержание — строго за заслуги. Чем больше пользы приносишь дому, тем больше получаешь.

На такой шаг его толкнула неизбежность: дочери обленились, и он боялся, что они испортят будущих внуков и его собственного младшего сына, так что пришлось принимать меры.

Стоило ввести правила, как даже Цинь Тянь взялась за ум: прихватив двух дочерей, она теперь помогала по хозяйству.

Водились у него и деньжонки, так что Тан Цзин жил в своё удовольствие, целыми днями прогуливаясь по улицам и наслаждаясь безмятежным покоем.

Знаний у дочерей не хватало, поэтому Тан Цзин нанял с десятков домашних учителей, чтобы те обучали их наукам и житейской мудрости. Во избежание всяких неприятностей он нанимал исключительно женщин-наставниц.

В тот день в полдень Тан Цзин неспешно прогуливался по улице и случайно столкнулся с тем самым эмиссаром Цзяном. Тот с воодушевлением потащил его пообедать, а после затянул

развлекаться.

Тан Цзину всё равно было скучно, и он увязался за эмиссаром Цзяном. Они вошли в какой-то ресторан, через потайную дверь спустились в подземелье, и в конце концов оказались в просторном подпольном казино.

Здесь играли в кости на деньги, ставили на больше-меньше и даже на человеческие жизни — зрелище жутко азартное.

— Ну как, никогда раньше здесь не бывал? — эмиссар Цзян с улыбкой покосился на него, мысленно предвкушая, как тот проиграет всё до нитки, после чего у него появится шанс великодушно спасти бедолагу.

Тан Цзин не стал заморачиваться и тратить слова на этого эмиссара Цзяна. Окинув взглядом окрестности, он решил сыграть в больше-меньше.

Здесь у игры в кости не было банкмета, и заведение лишь брало комиссию с выигрыша, позволяя игрокам ставить друг против друга.

Минимальная ставка в больше-меньше составляла сто серебряных монет, комиссия казино — двадцать монет, а коэффициент выплаты шёл как сто к восьмидесяти.

При этом, если выпадала ничья, ставка отходила заведению!

Поскольку игрокам приходилось платить комиссию, а зрители, ставившие вокруг, никакой комиссии не платили и не были ограничены в суммах, вокруг стола толпилась пройма народа.

Подпольные ставки означали, что наблюдающие со стороны заключали пари между собой, угадывая исход броска.

Тан Цзин посмотрел на двоих игроков, споривших за столом: один из них как раз собирался уходить, и Тан Цзин тут же занял его место.

— Братец, а не сыграть ли нам по-крупному? — заметив Тан Цзина, противник расплылся в широкой улыбке.

С первого взгляда было очевидно: Тан Цзин — простака, из тех, кого судьба велела обобрать до нитки.

Без лишних слов Тан Цзин выложил на стол десять тысяч золотых монет.

— Неплохо, а смелости тебе не занимать! Я Гао Фа, а тебя как звать? — с улыбкой поинтересовался партнёр по игре, невозмутимо выставив свои десять тысяч золотых.

— Тан Цзин! — Тан Цзин жаждал лишь одного — выиграть денег, поэтому предпочитал действовать без лишних разговоров.

За броском костей следили трое распорядителей, чтобы исключить любое жульничество.

— Больше!

— Больше, больше, больше!

— Меньше!

— Меньше, меньше, меньше!

— Ничья!

— Давай ничью!

Зрители вокруг азартно орали, переживая куда сильнее самого Тан Цзина и Гао Фа.

— Ничья!

Распорядитель с ухмылкой сгреб со стола золото и Тан Цзина, и Гао Фа.

Тан Цзин покачал головой и снова полез в карман.

На этот раз он выставил пятьдесят тысяч, решив сыграть по-крупному.

Гао Фа усмехнулся и тоже выложил пятьдесят тысяч золотых.

Во втором раунде троица распорядителей действовала ещё слаженнее: все двинулись одновременно, и три кости закрутились в стаканчике.

— Больше, больше, больше!

— Ничья, ничья, ничья!

— Меньше, меньше, меньше!

— Больше, больше, больше!

— Меньше, меньше, меньше!

— Ничья, ничья, ничья!

Зрители вовсю орали, у них в жилах бурлила кровь, а глаза были прикованы к стаканчику с костями.

— Прощу прощения!

Тан Цзин легко улыбнулся и сгреб себе всё золото, что лежало перед Гао Фа.

Почуввав вовремя момент остановиться, Тан Цзин поднялся из-за стола и направился к выходу.

Гао Фа лишь усмехнулся, не пытаясь его удержать.

Эмиссар Цзян, увидев, что Тан Цзин сорвал куш, чувствовал себя не в своей тарелке и даже спрятался в толпе, не рискуя подходить и здороваться.

Тан Цзин покачал головой и поспешил удалиться: в таких местах легко нажать неприятности, так что уйти подобру-поздорову было лучшим решением.

На выигранные деньги Тан Цзин накопил кучу всего нужного для дома, заодно заглянув на рынок труда и наняв двух работниц.

Фруктовый сад нуждался в уходе, так что для начала он решил взять двоих — пусть обучится народ, а там видно будет.

Тан Цзин подсчитал: у него росло десять персиковых деревьев, десять слив, десять грецких орехов, десять каштанов и десять груш.

Всего пятьдесят деревьев. Поскольку прав на землю у него не было, рубить их запрещалось — разрешалось лишь подрезать ветки да собирать урожай.

Перепоручив работниц Е Дуо, Тан Цзин забрался на одно из деревьев и заснул там, объявившись лишь к ужину.

Шла размеренная, безмятежная жизнь, и месяц пролетел незаметно.

В один из дней Тан Цзин заскучал дома, предупредил домочадцев и в одиночку отправился на выход.

Это был мир воинов, и отсиживаться в семейном гнезде, конечно, безопасно, но жизнь человеческая не вечна. Тан Цзину требовалось ускорить шаг и добраться до самой верхушки клана, только тогда он сможет по-настоящему соприкоснуться с миром боевых искусств.

Сейчас он владел лишь маленькой усадьбой, а впереди ждали средняя усадьба и большой особняк. Чем дальше, тем больше средств требовалось.

Переход на уровень средней усадьбы стоил несколько десятков миллионов серебряных монет, а особняк обходился и вовсе в сотни миллионов. Страшно представить, сколько же трав ему придётся добыть!

Тан Цзин в одиночку добрался до горных хребтов — людей там почти не водилось, зато свирепствовали стаи диких зверей и волков.

За работу!

Тан Цзин принялся за дело: карабкался по кручам, преодолевал бурные потоки и за день заколачивал по сорок-пятьдесят тысяч серебряных монет.

Хлопоча в одиночестве, он провёл так целых полгода, насобирав трав на добрых десять миллионов серебряных монет. Его пространственное кольцо ломилось от редких ингредиентов.

Помимо кольца, Тан Цзин сплёл из лозы огромную сеть и прихватил с собой целую вязанку более простых трав, которые тянули еще примерно на миллион серебряных монет.

Пробыв в отлучке столь долго, было пора возвращаться. Тан Цзин спешил домой в радостном предвкушении, гадая, какие подарки привезти дочерям.

Первым делом, разумеется, предстояло сбыть травы, а уже потом, накупив гостинцев, он помчался домой с замирающим от предвкушения сердцем.

— Это ещё что такое?

Переступив порог родного дома, Тан Цзин помрачнел: во дворе толпилось множество незнакомых людей.

Все сплошь знакомые лица — старые соседи, и семейство Шао Цзюня среди них тоже имелось.

— Вернулся? — Шао Минь подбежал к нему первым и расплылся в улыбке. — Сколько лет, сколько зим, мы по тебе соскучились!

— Точно, безумно соскучились, — поддакнула Цзоу Фэй.

Тан Цзин проигнорировал их обоих, перевёл взгляд на Е Дуо и рявкнул:

— Что здесь происходит?

— Выслушай меня, — заметив его недовольство, Е Дуо поспешила оправдаться. — Деревню Сяокай захватила Семья Тан, так что семья Цинь приютила всех погорельцев. Я подумала, раз мы раньше жили по соседству, и впустила людей погостить.

— Ладно, раз хозяйка ты, тебе и решать!

Тан Цзин подошёл ближе, подхватил Цинь Хун и Цинь Бин, перевёл взгляд на Цинь Тянь и спросил:

— Я ухожу. Пойдёшь со мной?

— Пойду!

Цинь Тянь кивнула без малейших колебаний, сияя от счастья прижала к себе дочерей и быстрым шагом направилась к Тан Цзину.

Она теперь стала намного умнее и сообразила, что следовать за отцом — единственный верный выбор. Настоящую заботу проявлял только он, а не пойти за отцом мог лишь круглый дурак.

Тан Цзин глянул на Е Дуо и холодно произнёс:

— С этого дня между нами всё кончено. Этот дом остаётся тебе, можешь жить в нём со своим сынком как знаешь — ко мне это больше не относится!

Не дожидаясь ответа Е Дуо, Тан Цзин взмахнул поясом, подхватил трёх дочерей с внучками и, взмыв в воздух, улетел прочь.

Е Дуо никак не ожидала от Тан Цзина такой бессердечности. У неё в голове кровь прилила к лицу, и она рухнула без чувств.

Е Чэнь промолчал. Ему тоже не нравилось, что Е Дуо пригрела этих людей, поэтому он велел жене отнести дочь в комнату, а сам безучастно уставился в небо.

Что теперь делать?

Он не знал!

Е Чэнь пытался меняться, учился новому, мечтая не отставать от Тан Цзина, но тот неизменно оставлял его далеко позади. Вот и сейчас — стоило тому взлететь, как Е Чэнь даже побежать за ним не успел.

Тан Цзин не ведал о мыслях тестя, да и знать не хотел. Прихватив трёх дочерей и двух внуков, он прямиком отправился за травами.

Только имея на руках достаточно денег, можно было вселиться во двор Чуньфа.

За год он мотался туда-обратно раз семь или восемь, заколотил около восьмидесяти миллионов серебряных монет и вместе с дочками и внуками наконец перебрался во двор Чуньфа.

На сей раз выбора у него не было, достался лишь овощной двор.

К счастью, карман ломился от денег, так что он нанял работников следить за хозяйством, а домашние могли отдыхать.

В один из таких дней Тан Цзин лежал себе в своё удовольствие, как вдруг Цинь Бин подплыла к нему и неуверенно произнесла:

— Папа, я соскучилась по брату.

Тан Цзин взглянул на младшенькую и усмехнулся:

— Ты ведь хочешь забрать сюда брата, чтобы он с нами жил?

— Угу, — кивнула Цинь Бин, не пытаясь скрывать свои намерения.

<http://bllate.org/book/19302/1889170>